Япония и вопрос ядерного вооружения: сценарии, риски и международно-правовые ограничения

Иванов Антон Вячеславович
младший научный сотрудник центра научно-аналитической информации Института востоковедения РАН,
3141592654.ai@gmail.com

Статья посвящена анализу вероятности появления ядерного оружия в Японии в условиях обострения региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Цель исследования – оценить политико-правовые, военно-технические и международные условия, при которых Токио может перейти к разработке или размещению собственного ядерного потенциала. Методологическая база включает сценарный анализ, элементы теории международных отношений (неореализм, институционализм), а также системный анализ внутренней и внешней политики Японии. На основе анализа выявлены ключевые факторы, сдерживающие вопрос разработки ядерного оружия, включая японские нормативные обязательства, позицию США и общественное мнение, а также условия, при которых эти барьеры могут быть преодолены. Делается вывод о нарастании структурных предпосылок для пересмотра ядерного курса, что имеет критическое значение для региональной стабильности и интересов России.
Ключевые слова: Япония, ядерное оружие, нераспространение, региональная безопасность, международные отношения, Азиатско-Тихоокеанский регион, стратегическое сдерживание, внешняя политика, ядерный потенциал, союзнические обязательства.

Введение

Япония занимает уникальное положение в глобальной архитектуре нераспространения ядерного оружия. С одной стороны, это единственная страна, подвергшаяся ядерной бомбардировке, что стало основой для формирования сильной пацифистской идентичности и юридических ограничений на обладание подобным вооружением, с другой Токио непосредственно располагает технологическими, финансовыми и материальными возможностями, достаточными для создания мощного ядерного потенциала в кратчайшие сроки. Возникающая в настоящие момент ситуация, связанная с обсуждением необходимости обладания страной восходящего солнца своего собственного ядерного вооружения, существенно обострилась за последнее полугодии существенного обострилось на фоне милитаристских заявлений и действий нового премьер-министра Санаэ Такаити. Подобные обсуждения связаны в первую очередь со сложившимся вокруг Японии комплексом внешнеполитических вызовов, связанных с нарастанием угрозы со стороны КНДР, стратегической конкуренции с КНР и отсутствии полной определенности в отношениях с главным союзником – США.

С 2022 года дискуссии о пересмотре ядерной политики в Японии приобрели новый импульс после того, как бывший премьер-министр Синдзо Абэ предложил публично рассмотреть возможность участия Японии в схеме ядерного обмена с США по образцу стран НАТО, которые позволяют США хранить свое ядерное оружие под своим контролем [6]. В дальнейшем в японском парламенте и научных кругах стали звучать призывы к «переоценке реализма» политики нераспространения в связи с растущими вызовами национальной безопасности, в части роста ракетно-ядерного потенциала КНДР и милитаризации Тайваньского пролива. Действующий японский премьер-министр Санаэ Такаити в своей книге «Исследование национальной мощи» еще до вступления в должность рассматривала комплекс мер по укреплению национальной мощи, включая наращивание оборонного потенциала и усиление союзнического взаимодействия с США, что вписывается в её более широкий политический курс на пересмотр послевоенных ограничений в сфере безопасности.

Настоящее исследование ставит своей целью всесторонне оценить вероятность и варианты появления ядерного оружия в Японии в обозримой перспективе. Для этого в исследовании решаются следующие научные задачи:

– анализ военно-технического потенциала Японии, в контексте обеспечения быстрого ядерный технологического прорыва;

– исследование политико-правовых ограничений, включая положения конституции Японии, ДНЯО и японского законодательства;

– изучение внутриполитических и общественных настроений по вопросу обладания ядерным оружием;

– выработка сценариев развития ситуации и их последствий для региональной и глобальной безопасности.

Методологически работа базируется на комплексном подходе, объединяющем сценарный и институциональный анализ, элементы неореалистской теории международных отношений и контент-анализ научных и экспертных публикаций. Источниками послужили японские, американские, корейские и российские академические издания, отчёты центров стратегических исследований (NTI, SIPRI, RAND, CSIS, JIIA), а также данные социологических

опросов и правительственных публикаций периода 2020-2026 гг.

Обсуждение

Япония обладает одной из наиболее передовых гражданских ядерных программ в мире, которая фактически формирует технологическую основу для потенциального быстрого перехода к созданию собственного ядерного арсенала. По последним оценкам Агентства по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития, страна накопила около 44,5 тонн обогащённого плутония, преимущественно изотопов Pu-239 и Pu-240. Из этого объёма примерно 8,7 тонн хранится внутри страны на объектах Японского агентства по атомной энергии и в хранилищах завода Роккасё (префектура Аомори), а остальное за рубежом: около 14,1 тонн во Франции на предприятии Ла-Гард и 21,7 тонн в Великобритании на заводе Селлафилд. Этот плутоний в основном получен в результате переработки отработанного ядерного топлива для производства смешанного оксидного топлива, где доля делящегося изотопа Pu-239 составляет около 55%, что делает материал технически пригодным для оружейных целей после минимальной дополнительной очистки [5]. Для сравнения, запасы гражданского плутония в США оцениваются примерно в 100 тонн и находятся под контролем Министерства энергетики, во Франции – в 75 тонн, в Великобритании – в 120 тонн, а в России – свыше 200 тонн, однако Япония лидирует по концентрации такого материала среди государств, не обладающих официальным ядерным статусом. Значительная часть японских запасов (потенциально до 1,3 тонны в год) может производиться на заводе Роккасё мощностью переработки 800 тонн отработанного топлива ежегодно, что неоднократно вызывало обеспокоенность Международного агентства по атомной энергии в связи с рисками распространения ядерных материалов.

Япония входит в ограниченную группу стран, полностью освоивших ядерный топливный цикл, включая импорт и обогащение урана, производство топлива, переработку отработанного топлива и хранение продуктов. Обогащение урана в Японии ведётся в исследовательских масштабах на центре Нингё-тоге (Японское агентство по атомной энергии) и на заводе в Роккасе с использованием центрифуг до 5% U-235. Переработка отработанного топлива осуществляется на заводах Токай (завершён) и Роккасе (в стадии пуска). Стоит отметить, что Япония располагала ограниченными запасами (около 300-350 кг) высокообогащённого урана, импортированного из США в рамках соглашения о мирном использовании атомной энергии 1988 г., который использовался на исследовательских реакторах и был полностью возвращён в США к 2024 г. Эксперты ведущих аналитических центров, таких как Инициатива по сокращению ядерной угрозы и Центр Джеймса Мартина по изучению проблем нераспространения, оценивают, что для создания 100 боеголовок мощностью 20 килотонн каждая Японии потребуется 600 килограммов плутония Pu-239. Полный цикл производства позволит изготовить первую боеголовку за 12 месяцев, а арсенал объёмом в 100 единиц – за 2 года при наличии политического решения. Подобные оценки подтверждаются отчётами Стокгольмского института исследования проблем мира и Федерации американских учёных, подчёркивающими статус Японии как порогового ядерного государства [3].

С точки зрения средств доставки Япония располагает многоуровневой инфраструктурой двойного назначения, способной после адаптации нести ядерные заряды. Баллистические и крылатые ракеты Type-12 противокорабельного назначения с дальностью свыше 200 километров и скоростью более 3 Махов уже развернуты в количестве более 500 пусковых установок. Кроме того, Япония активно развивает гиперзвуковые системы. Противокорабельные ракеты Type-12 модернизируются до дальности 1000 км (развёртывание в 2026 г.), а гиперзвуковой планирующий блок HVGP (скорость более 5 Махов, дальность 900 км) предназначен для поражения стратегических целей, включая авианосцы и наземные объекты, и может быть пригоден для ядерных зарядов после адаптации.

Авиационные платформы включают истребители пятого поколения F-35A и F-35B в количестве 84 единиц к 2026 г. с планом до 147 к 2030 г., совместимые с высокоточными крылатыми ракетами дальностью 900 километров, а также модернизированные F-15J и F-15DJ в количестве более 155 машин с боевой нагрузкой до 20 тонн. Подводный флот состоит из 22 дизель-электрических лодок классов С-1 и С-2, оснащённых торпедами Type-89 и Type-12 дальностью свыше 50 километров, с теоретической возможностью конверсии под крылатые ракеты дальностью до 2500 километров. Эсминцы системы «Иджис» (8 единиц с планом до 12 к 2027 г.) интегрированы с ракетами перехвата SM-3 и SM-6 [2;7].

Производственные мощности компаний Митсубиси Хэви Индэстриз и Кавасаки, по грубой оценке, могут позволить выпускать 50-100 боеголовок в год. В итоге технический потенциал Японии соответствует возможностям создания арсенала уровня Израиля или Пакистана за два-три года.

Главным юридическим препятствием для создания ядерного оружия в Японии остаётся статья 9 Конституции 1947 г., провозглашающая вечный отказ от войны как суверенного права нации и от силы или угрозы силой как средства разрешения международных споров, а также запрещающая содержание сухопутных, морских, военно-воздушных сил и любых других средств войны. Принятая под давлением американских оккупационных властей после капитуляции во Второй мировой войне, эта норма легла в основу пацифистской идентичности страны, хотя Верховный суд в решениях 1959 и 1973 годов фактически узаконил существование Сил самообороны как минимума необходимого средства защиты суверенитета. Однако интерпретация остаётся крайне узкой: допускаются исключительно оборонительные вооружения для непосредственной защиты островов, без права на наступательные действия или проекцию силы за пределами территории страны. Большинство японских конституционалистов, включая ведущих экспертов, настаивают, что ядерное оружие по своей стратегической природе и радиусу действия выходит за рамки самообороны, прямо противореча духу и букве статьи 9. Создание боеголовок, баллистических ракет средней дальности или ядерных носителей потребовало бы либо конституционной реформы (2/3 голосов парламента плюс референдум), либо рискованной попытки доктринальной реинтерпретации, чреватой судебными тяжбами и общественными протестами, подобными демонстрациям 2015 года против расширения роли Сил самообороны.

Дополнительным барьером служит политика «трёх неядерных принципов», сформулированная премьер-министром Эйсаку Сато в беседе с президентом США Линдоном Джонсоном 21 декабря 1967 г. и утверждённая постановлением нижней палаты парламента 24 декабря 1971 г.: не производить, не владеть и не допускать размещения ядерного оружия на своей территории. Хотя принципы не имеют конституционной силы и теоретически могут быть отменены простым парламентским решением, они превратились в краеугольный камень национальной идентичности, особенно на фоне опыта Хиросимы и Нагасаки. Правительственные опросы населения за 2021-2025 гг. показывают устойчивую поддержку на уровне 65-72%

граждан, воспринимающих их как неотъемлемую часть внешнеполитической культуры мира; среди женщин и молодёжи до 30 лет этот показатель достигает 75-80%. На фоне активного развития ракетной программы КНДР и роста региональной напряжённости доля допускающих «гибкую интерпретацию» выросла до 28% к 2023 г., но абсолютное большинство по-прежнему отвергает ядерный курс, что подтверждают ежегодные опросы и реакции на предложения Синдзо Абэ о «ядерном обмене» в 2022 г., отвергнутые премьером Фумио Кисидой как неприемлемые [1].

Вместе с тем несмотря на то, что японская политическая элита традиционно придерживалась антиядерного консенсуса, однако в последние годы наметился сдвиг в риторике отдельных представителей правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Примечательно, что бывший премьер-министр Синдзо Абэ в 2022 г. открыто призвал рассмотреть возможность совместного размещения американского ядерного оружия на японской территории по аналогии с Германией, Бельгией и Нидерландами. Его предложение не встретило категорического отторжения со стороны ключевых фигур в ЛДП, таких как Таро Коно и Ёсихидэ Суга, что свидетельствовало о постепенной нормализации ядерной риторики среди части консервативного истеблишмента.

В то же время оппозиционные партии (Конституционно-демократическая партия, Коммунистическая партия и др.) продолжают занимать жёстко антиядерную позицию. Их аргументы опираются как на моральный авторитет Японии как единственной пострадавшей от ядерных бомбардировок страны, так и на опасения дестабилизации региональной безопасности. Анализ парламентских дебатов за 2023-2025 гг. показывает, что любые попытки даже символического пересмотра «трёх принципов» встречают сопротивление и становятся объектом острой внутриполитической полемики.

Общественное мнение остаётся ключевым фактором, ограничивающим радикальные шаги в ядерной политике. После прихода к власти премьера Санаэ Такаити в октябре 2025 г. на фоне ее резких заявлений о возможном оказании Японией помощи Тайваню, в случае возникновения конфликта между Тайбэем и Пекином, а также отсутствия ее четкого заявления о приверженности неядерным принципам, ситуация обострилась. Опрос информационного агентства Дзи-дзи Пресс от января 2026 г. зафиксировал снижение поддержки сохранения принципов до 62,6% (с 72% в 2024 г.), при этом доля сторонников пересмотра составила 16,7%, особенно третьего принципа («не допускать размещения»), затруднились ответить 20,7%. Вместе с тем уровень поддержки безъядерного статуса все равно остается высоким, абсолютное большинство отвергает ядерный курс, что подтверждают ежегодные опросы среди населения.

Говоря о внешнеполитических препятствиях потенциального принятия Токио ядерного статуса, стоит отметить, что Япония занимает одну из ведущих позиций среди государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанного в феврале 1970 г. и ратифицированного японским парламентом в июне 1976 г. после длительных внутриполитических дебатов, связанных с согласованием гарантий безопасности со стороны США. Ратификация сопровождалась вступлением в силу всеобъемлющего соглашения о гарантиях МАГАТЭ, дополненного в 1999 г. дополнительным протоколом, что сделало всю ядерную деятельность страны, включая переработку плутония на заводе Роккасе, предметом строгого международного контроля с ежегодными инспекциями. Японская дипломатия последовательно продвигает антиядерную повестку на глобальных площадках, включая подготовительные комитеты Обзорных конференций ДНЯО, где Токио ежегодно выступает со специальными заявлениями о разоружении, а также в формате Инициативы по нераспространению и разоружению (запущена в 2010 г. совместно с Австралией), координирующей позиции порядка 25 стран по совершенствованию договоров о контроле над вооружениями и верификации запасов расщепляющихся материалов. Подобная роль закрепила за Японией статус «морального лидера» в ядерных дискуссиях, особенно учитывая исторический опыт атомных бомбардировок 1945 г., что проявляется в ежегодных резолюциях Генассамблеи ООН о безъядерных зонах и инициативах Хиросимского процесса по прозрачности ядерных арсеналов. Односторонний выход из ДНЯО или развитие оружейной программы неизбежно спровоцировал бы серьезный дипломатический кризис: немедленную приостановку сотрудничества МАГАТЭ, потенциальные санкции со стороны стран G7, изоляцию в Азиатско-Тихоокеанском регионе со стороны Китая, Республики Корея и Австралии, а также утрату уникального авторитета Японии как единственной страны, пережившей ядерное применение и отстаивающей полное разоружение в рамках трех неядерных принципов. Такой сценарий подорвал бы позиции Токио в глобальных переговорах по Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) и инициативам по ядерному разоружению, где Япония традиционно выступает посредником между ядерными державами и неядерными государствами.

Вместе с этим, сторонники отмены безъядерных принципов небезосновательно указывают на неблагоприятную для Японии внешнеполитическую ситуацию, связанную с нарастающей напряжённостью как в регионе, так и в целом в мире, характеризующуюся как ростом ядерных рисков, так и снижением предсказуемости со стороны ближайших стратегических акторов. Центральной угрозой остаётся КНДР, осуществившая за последние пять лет свыше 20 ракетных испытаний, включая запуск межконтинентальных баллистических ракет (МБР), способных нести ядерный заряд и достигать территории Японии. Особенно резонансным стало испытание от марта 2024 г., когда ракета «Хвансон-18» пролетела над Хоккайдо и упала в исключительной экономической зоне Японии.

Ракетно-ядерный потенциал КНДР, по оценке аналитиков Международного института стратегических исследований, достиг стадии операционного ядерного сдерживания, что в японских кругах всё чаще трактуется как системная угроза, сдерживаемая в первую очередь американскими средствами ПРО, размещенными в Японии. Однако события на Тайване в 2024 г., в ходе которых Китай провёл крупнейшие учения с имитацией блокады острова, а США заняли осторожную позицию, ограничившись политическим заявлением, что вызвало в Токио дискуссии о надёжности Вашингтона как гаранта безопасности региона, а также активизировало обсуждения возможного наращивания собственного военного потенциала, в том числе ядерного, на случай ослабления союзнических обязательств со стороны США. Кроме того, несмотря на благоприятные взаимоотношения, сложившиеся между японским правительством и текущей американской администрацией, в японские политические круги с определенной долей недоверия относятся к Д. Трампу, учитывая непредсказуемость его политических заявлений и решений. На фоне звучащей противоречивой риторики от американского лидера в части, касающейся возможного сокращения американских контингентов войск, дислоцирующихся в странах Юго-Восточной Азии, среди политических элит растут опасения о надежности японо-американского союза в условиях возникновения реального военного конфликта в регионе, что лишь усиливает риторику о необходимости обладания собственным ядерным потенциалом.

Вторым ключевым фактором стратегической тревоги японского руководства выступает стремительное военное строительство Китая, которое радикально меняет баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ставит под вопрос достаточность существующих механизмов сдерживания. Согласно ежегодному докладу Министерства обороны США «Военное и оборонное развитие Китайской Народной Республики» за 2025 г., представленному Конгрессу в декабре, арсенал ядерных боезарядов КНР к середине 2024 г. превысил 600 единиц и сохраняет потенциал производства до более 1000 боеголовок к 2030 г. при ежегодном производстве около 100 новых зарядов. Этот процесс сопровождается модернизацией всей ядерной триады: вводом в строй более 100 новых шахт для баллистических ракет в западных провинциях (Юймэнь, Хами, Юйлинь), развертыванием подводных лодок тип 096 с баллистическими ракетами JL-3 (дальность 10 000 км) и перспективные разработки по интеграции гиперзвуковых планирующих блоков DF-27 в авиационные комплексы H-20 [8]. Одновременно активизация Народно-освободительной армии Китая в спорных акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, включая регулярные пролета самолетов J-20 и кораблей тип 055 в зоны идентификации противовоздушной обороны Японии (по данным Минобороны Японии – 1121 нарушение воздушного пространства в 2024 г., рост на 18% по сравнению 2023 г.), формирует у руководства страны восходящего солнца устойчивое восприятие постепенного изменения поствоенного регионального баланса сил и роста собственной уязвимости. Подобная динамика активизирует дискуссии о необходимости перехода от пассивного доверия американскому «ядерному зонтику» к концепции сбалансированной автономии, где Япония способна нанести неприемлемый ответный ущерб потенциальному агрессору без прямого участия США.

Вместе с тем, учитывая исторические японские настроения и мнения, связанные с категорическим отказом от обладания ядерным оружием, останутся основным непреодолимым препятствием для руководства страны. Вместе с тем, с большей долей вероятности действующая администрации Санаэ Такаити будем пытаться лоббировать вариант, о котором в свое время осторожно заявлял Синдзо Абэ – размещение американского ядерного оружия на территории Японии по аналогии со странами Европы, где размещен американский ядерный арсенал без передачи управления японской стороне. Данный вариант развития событий видится наиболее вероятным. Кроме того, подобный опыт уже имел место быть: во времена холодной войны, в 1950-1960-х годах, США тайно размещали тактическое ядерное оружие на японской территории, а именно: бомбы B-57 и ракеты MGR-1 (Honest John) на базах в Иводзиме, Мисаве и Окинаве, что подтверждено рассекреченными документами Пентагона и свидетельствами бывших командиров Седьмого оперативного флота США [4]. Данные вооружения были официально выведены к 1972 г. в соответствии с первым из трех неядерных принципов Японии, однако в экспертной среде (аналитики RAND Corporation и Центра стратегических и международных исследований) периодически возникают предположения о возможном непубличном присутствии американских систем двойного назначения или компонентов расширенного ядерного сдерживания на военных базах в Японии, хотя официальный Вашингтон продолжает категорически исключать любое размещение, а Токио никак не комментирует подобные вопросы [4]. Не исключено, что Токио фактически стремится не к созданию своего собственного арсенала, а к легализации и формальному признанию уже существующей практики совместного ядерного сдерживания по модели НАТО, что позволило бы вывести скрытые американские активы из серой зоны и интегрировать их в национальную доктрину безопасности.

Результаты

На основании проведённого анализа можно выделить несколько ключевых факторов, определяющих вероятность появления ядерного оружия в Японии: высокий технологический и промышленный потенциал, растущее восприятие внешней угрозы, сдвиг в риторике правящих элит, а также сохраняющиеся юридические и общественные барьеры. Данные параметры позволяют выделить три базовых сценария, отличающихся по уровню вероятности, срокам и внешнеполитическим последствиям.

Сценарий 1. Сохранение текущего безъядерного статуса. При данном сценарии Япония продолжает придерживаться своих обязательств в рамках Договор о нераспространении ядерного оружия и внутренней нормативной базы, включая «трёх неядерных принципов». Одновременно Токио усиливает союзнические связи с США и повышает роль неядерных средств сдерживания, включая развитие национальных вооружённых сил и возможностей контрудара в рамках обновлённой Стратегии национальной безопасности 2022 г. В краткосрочной перспективе (вторая половина 2020-х гг.) данный вариант рассматривается большинством аналитиков как наиболее вероятный ввиду институциональной устойчивости безъядерной политики. К числу ключевых факторов, поддерживающих этот курс, относятся общественная чувствительность к ядерной тематике, правовые ограничения, закреплённые в национальной практике, а также потенциальные внешнеполитические и репутационные издержки в случае отхода от обязательств по ДНЯО.

Сценарий 2. Частичный пересмотр антиядерной политики (наиболее вероятный). В отличие от прежнего периода консенсусной безъядерной политики, во второй половине 2020-х годов в японском политическом пространстве сформировались условия для более жёсткой дискуссии о пределах «трёх неядерных принципов». Представители консервативного крыла Либерально-демократическая партия Японии, включая действующего премьер-министра Санаэ Такаити, публично допускали необходимость обсуждения механизмов, аналогичных «ядерному шерингу» НАТО, аргументируя это ростом угроз в регионе. Параллельно реализуется масштабное увеличение оборонных расходов и развитие военного потенциала, что снижает прежнюю табуированность силовых инструментов безопасности. Хотя официальная позиция Токио по-прежнему подтверждает приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия и безъядерному статусу, сама институциональная среда изменилась: тема размещения американских ядерных средств перестала быть полностью маргинальной и стала предметом публичной политической полемики. В перспективе речь идёт не о немедленной легализации такого шага, а о постепенном расширении допустимого спектра стратегических опций, что повышает вероятность частичного пересмотра прежних ограничений, в частности «не размещать ядерное оружие».

Сценарий 3. Национальный военная ядерная программа (маловероятный) В условиях полного обострения региональной обстановки (например, при отказе США от союзнических обязательств или провале сдерживания КНДР) Япония может приступить к разработке собственного ядерного арсенала. Подобный сценарий предполагает пересмотр конституционного толкования статьи 9, либо ее изменения, отмену «трех принципов» и выход из ДНЯО, что политически и дипломатически является крайне затратным путем. Вероятность подобного развития событий остается низкой.

Заключение

Япония находится в уникальном положении потенциальной ядерной державы: обладая всеми необходимыми технологическими, материальными и кадровыми ресурсами, она одновременно сдерживается целым рядом жёстких правовых, общественных и союзнических ограничений. Страна сохраняет статус ядерной пороговой державы, но не выходит за формальные рамки Договора о нераспространении, что обеспечивает ей стратегическую гибкость в условиях нарастающих угроз.

Однако анализ внутренней динамики и внешнего давления свидетельствует о постепенной эрозии прежнего антиядерного консенсуса. Рост ядерной активности КНДР, милитаризация Китая, стратегическая неопределённость в действиях США, а также изменения в риторике части японских элит ведут к созданию условий, при которых ядерный вариант может быть переосмыслен как инструмент национального выживания. Несмотря на то, что в краткосрочной перспективе реализация ядерного сценария остаётся маловероятной, долгосрочная логика региональной нестабильности усиливает стратегические стимулы для Японии как минимум не исключать такой поворот. Ядерный вопрос Японии выходит за рамки двусторонних или технических дискуссий – он становится отражением структурного кризиса международного порядка и закономерного вызова существующей системе нераспространения.

Литература

1. Более 60% в Японии против обладания ядерным оружием [Электронный ресурс] // Nippon.com. 2026. URL: https://www.nippon.com/ru/news/yjj2026011500792/ (дата обращения: 13.02.2026).
2. Поддержка эсминцев класса «Иджис» Японии [Электронный ресурс] // Defense Security Cooperation Agency (DSCA). URL: https://www.dsca.mil/Press-Media/Major-Arms-Sales/Article-Display/Article/4361445/japan-aegis-class-destroyer-support (дата обращения: 14.02.2026).
3. Ежегодный отчёт Агентства по ядерной энергии ОЭСР за 2024 год [Электронный ресурс] // OECD Nuclear Energy Agency (NEA). 2025. URL: https://www.oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2025-12/nea_annual_report_2024.pdf (дата обращения: 14.02.2026).
4. Япония подтверждает существование секретных ядерных соглашений с США [Электронный ресурс] // IDSA Comment. URL: https://idsa.in/publisher/comments/japan-unveils-existence-of-a-secret-nuke-pact-with-the-us (дата обращения: 14.02.2026).
5. Civilian HEU in Japan [Электронный ресурс] // James Martin Center for Nonproliferation Studies. URL: https://nonproliferation.org/civilian-heu-japan/ (дата обращения: 13.02.2026).
6. Japan should discuss NATO-like nuclear weapons sharing, Abe says [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2022. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-27/japan-should-discuss-nato-like-nuclear-weapons-sharing-abe-says (дата обращения: 13.02.2026).
7. NIDS China Security Report 2026: «Imbalanced Partnerships: China, Russia, and North Korea» [Электронный ресурс] // National Institute for Defense Studies (NIDS), Ministry of Defense Japan. 2026. URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2026_A01.pdf (дата обращения: 14.02.2026).
8. RAND Corporation. Challenges to U.S. Nuclear Deterrence Policy in the 21st Century [Электронный ресурс] // RAND Corporation. 2009. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF379/RAND_CF379.pdf (дата обращения: 13.02.2026).

Japan and the nuclear armament issue: scenarios, risks, and international legal constraints

Ivanov A.V.

Institute of Oriental Studies RAS

The article analyzes the probability of Japan acquiring nuclear weapons in the context of escalating regional security tensions in the Asia-Pacific. The aim of the study is to assess the political, legal, military-technical, and international conditions under which Tokyo might pursue the development or deployment of its own nuclear capabilities. The methodological framework includes scenario-based analysis, elements of international relations theory (neorealism, institutionalism), and systemic examination of Japan's domestic and foreign policy. Based on the analysis, the study identifies key factors restraining nuclear weapon development, such as Japan's normative commitments, the position of the United States, and public opinion, as well as the conditions under which these barriers could be overcome. The article concludes that structural prerequisites for a shift in Japan's nuclear policy are growing, which has critical implications for regional stability and Russia's strategic interests.

Keywords**:** Japan, nuclear weapons, non-proliferation, regional security, international relations, Asia-Pacific region, strategic deterrence, foreign policy, nuclear potential, alliance commitments.

References

1. More than 60% of Japanese oppose nuclear weapons possession [Electronic resource] // Nippon.com. 2026. URL: https://www.nippon.com/ru/news/yjj2026011500792/ (date of access: 13.02.2026).
2. Annual Report of the OECD Nuclear Energy Agency for 2024 [Electronic resource] // OECD Nuclear Energy Agency (NEA). 2025. URL: https://www.oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2025-12/nea_annual_report_2024.pdf (date of access: 14.02.2026).
3. Support for Japan's Aegis-class destroyers [Electronic resource] // Defense Security Cooperation Agency (DSCA). URL: https://www.dsca.mil/Press-Media/Major-Arms-Sales/Article-Display/Article/4361445/japan-aegis-class-destroyer-support (date of access: 14.02.2026).
4. Japan confirms existence of secret nuclear agreements with the US [Electronic resource] // IDSA Comment. URL: https://idsa.in/publisher/comments/japan-unveils-existence-of-a-secret-nuke-pact-with-the-us (date of access: 14.02.2026).
5. Civilian HEU in Japan [Electronic resource] // James Martin Center for Nonproliferation Studies. URL: https://nonproliferation.org/civilian-heu-japan/ (date of access: 13.02.2026).
6. Japan should discuss NATO-like nuclear weapons sharing, Abe says [Electronic resource] // Bloomberg. 2022. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-27/japan-should-discuss-nato-like-nuclear-weapons-sharing-abe-says (date of access: 13.02.2026).
7. NIDS China Security Report 2026: «Imbalanced Partnerships: China, Russia, and North Korea» [Electronic resource] // National Institute for Defense Studies (NIDS), Ministry of Defense Japan. 2026. URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2026_A01.pdf (date of access: 14.02.2026).
8. RAND Corporation. Challenges to U.S. Nuclear Deterrence Policy in the 21st Century [Electronic resource] // RAND Corporation. 2009. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF379/RAND_CF379.pdf (date of access: 13.02.2026).